

КРИСТИАНА АЙЗЕНБЕРГ

Открытие спорта современной исторической наукой¹

Историки спорта, трудящиеся на ниве спортивной науки, вот уже более тридцати лет с живым интересом следят за дискурсом и методологическим развитием в исторической науке, которую они рассматривают как «материнскую науку» и в которой черпают стимулы для собственной работы. А то, что они в целом все же охотней обмениваются мнениями в своем кругу, связано не в последнюю очередь с тем, что академическая история долгое время вообще не воспринимала исторические исследования, проводимые спортивными историками. Между тем физкультура и спорт воспринимаются как нормальная исследовательская тема в специальных исторических дисциплинах, а число соответствующих докторских и диссертационных работ неуклонно растет. И все же рецепция исторических работ, связанных со спортом, происходит пока лишь в исключительных случаях. Ниже я, опираясь на свой опыт историка, специализирующегося на истории спорта и более десяти лет наблюдающего эволюции в обоих лагерях, хотела бы ответить на вопрос, с чем связана такая взаимная отстраненность.

Когда в конце 1980-х годов я всерьез начала интересоваться историей спорта, то поначалу объясняла сдержанность исторического «цеха» по отношению к спорту академическим самомнением многих авторитетов исторической науки, которых я при всем желании не могла представить на трибунах стадионов с их кипением страстей и в пропахших потом раздевалках. И действительно, в архивах и на конференциях я постоянно встречала коллег, которые были неприятно поражены, узнав, чем я занимаюсь.

¹ Christiane Eisenberg, Die Entdeckung des Sports durch die moderne Geschichtswissenschaft. In: Hans Joachim Teichler (Hg.). *Moden und Trends im Sport und in der Sportgeschichtsschreibung*. Hamburg: Czwalina, 2003, 31–44. Данная статья представляет собой измененную версию работы, опубликованной в: *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*, 27 (2/3).

Но академическое самомнение всего объяснить не может. Ведь есть немало других историков, которые в дискуссиях сразу признаются, что они — спортивные болельщики, и обязательно сообщают, что в молодости играли за тот или иной спортклуб, да и сегодня не прочь скатиться по «черной» горнолыжной трассе. То, что им, однако, никогда не приходит в голову проявить к спорту научный интерес, я объясняю теперь — в противоположность моему первоначальному предположению — прежде всего тем, что это измерение современной жизни стало *cherссур* привычным. Спорт — часть повседневности этих людей, как еда и питье, сон, секс или музыка, и вот поэтому-то о нем дальше и не размышляют.

К тому же у спорта есть особое свойство, и оно является отягощающим обстоятельством: подобно моде, регулярно приносящей что-нибудь новенькое, или джазовой музыке, которая сохраняет молодость благодаря импровизационному стилю, спорту присуща та специфическая модерность, современность, которую французский поэт Шарль Бодлер описал как сочетание «преходящего», «мимолетного» и «случайного» с мнимо «вечным»². Историка это свойство сбивает с толку. Ведь оно внушает представление о «вневременности» спорта, а это приводит к тому, что обычные профессиональные вопросы о происхождении, типах развития и долговременных последствиях кажутся неуместными. Вот это, на мой взгляд, и является настоящим объяснением той традиционной дистанцированности исторической науки от спорта: историки не считают себя компетентными в этой области, предоставляя ее журналистам. Последние с успехом добились того, что читатели газет и телезрители сегодня обладают солидными знаниями о легендарных футбольных матчах и могут на память сказать, когда и в каких городах проводились Олимпийские игры. Таким образом, история спорта оказалась в сфере телевикторин, а не исторических семинаров.

Для темы настоящей статьи этот факт дистанцированности «цеха», порожденной самим предметом, релевантен постольку, поскольку он указывает на необходимость искать истоки дисциплины истории спорта вне исторической профессии. Этой задаче я посвящаю первую часть моих рассуждений, дав обзор истории и многообразия значений слова «спорт» и подверстывая к различным словоупотреблениям различные исследовательские подходы. Затем я покажу, какими окольными путями с конца 1970-х — начала 1980-х годов я все же обнаружила горстку профессиональных историков, питающих слабость к истории спорта, и какие неожиданные повороты претерпели вскоре их исследова-

² См.: Baudelaire (1906, 286). В эссе «Художник современной жизни» (*Le Peintre de la vie moderne*, 1863) Шарль Бодлер дал свое определение современности — *Modernité*, разумея под ней нечто «преходящее», «мимолетное», «случайное», — половину искусства, вторую половину которого составляет «вечное» и «непоколебимое». *La modernité, c'est le transitoire, le fugitif, le contingent, la moitié de l'art, dont l'autre moitié est l'éternel et l'immuable.* — *Прим. пер.*]

ния. В конце же статьи я рискну заглянуть в будущее истории спорта, которая — и это я буду распространять в качестве рекламной новости — не только все явственнее обретает свое лицо как подраздел общей истории, но может открыть новый, методически отрефлектированный подход ко всеобщей истории, в особенности XX века.

Спорт — два определения

Этимологически слово «спорт» восходит к позднелатинскому глаголу *deportare* и возникло в английском языке. Первоначально оно означало «отвлекаться», «развлекаться», «веселиться» — как раз все, что делают *in sport* («в спорте») и *for love* («по любви»). В узком смысле оно обозначало охоту на *game* («дичь»), эта коннотация из средневековой дворянской культуры сохранилась в английском языке до сегодняшнего дня. Скачки уже в начале Нового времени также назывались «спортом»³. Но в повседневную речь слово вошло лишь тогда, когда с середины XIX столетия распространение получили множество новых игр и развлечений. Отныне «спорт» сделался родовым понятием для различных видов игры в мяч (крикет, футбол, хоккей), единоборств (бокс, фехтование), всевозможных модных досуговых занятий (гребля, верховая езда, велогонки и гонки на роликовых коньках, плавание и альпинизм) и, наконец, для так называемой легкой атлетики (бега, прыжков, метания и пр.). Это перечисление спортивных дисциплин можно найти, например, в обзорной статье об английской спортивной жизни 1899 года⁴.

Многообразие соревнований и развлечений стало вскоре необозримым. В XX веке оно делалось все более запутанным, так что социолог Клаус Хайнеманн через 100 лет после выхода в свет указанной статьи, исследуя досуг в Гамбурге, задокументировал 240 спортивных дисциплин⁵. Каждая дисциплина может сочетаться с различными организационными формами (соседи и круг друзей, союз и общество, школа и университет, армия, партия, государство) и типами финансирования (входная плата, частное меценатство, субсидии общественных организаций). Не все дисциплины пользуются одинаковой популярностью, за некоторыми общественность может наблюдать с помощью современных СМИ, другие сохраняют свой приватный характер и т. д.

Несмотря на это многообразие, «английское» определение спорта как единоборства или соревнования соответствует только узкой трак-

³ См. статьи *sport* и *game* (*The English Dictionary*, Bd. 9, 10, 1933, ND 1961), а также Mandell (1984, xvii).

⁴ См.: Aflalo, F. G. (1899, 968–976). *Midwinter* (1986, 22) указывает на то, что это словупотребление утвердилось лишь между 1890 и 1914 годами. До того времени в Англии говорили об «атлетике» или «атлетических видах спорта». См. также: Dobbs (1973, 21 ff).

⁵ См.: Heinemann & Schubert (1994).

товке понятия. Ибо в ходе интернационализации этого явления, его превращения в массовое развлечение и роста его значения в воспитательной и военной системах, в экономике и культуре — во многих языках возникла тенденция употреблять слово *sport* и его международные варианты — *deporte* (испанский), *desporto* (португальский), *spor* (турецкий), «спорт» (русский) и т. д. — применительно к неконкурентным занятиям (то есть несоревновательным активностям), для которых существуют и другие, как правило, более точные понятия. Сюда относятся слова «физическая культура», «физкультура», «физическое воспитание» (*Turnen, Körpererziehung*), танцы, туризм и экстремальный сплав, а также определенные формы лечебного восстановления трудоспособности. В этом широком смысле слово «спорт» представляет собой общий термин, обозначающий, в принципе, любую разновидность физической культуры, включая «мертвые» физические культуры Древнего Востока и агон древних греков.

Обоим словоупотреблениям слова «спорт» соответствуют два направления истории спорта.

История спорта как история физической культуры

Направление, в основе которого лежит широкое словоупотребление, то есть история спорта как история физической (телесной) культуры, возникло в древности. В этом смысле к родоначальникам дисциплины можно причислить летописца греческого агона Павсания, педагога-просветителя Иоганна Кристофа Фридриха Гутсмута и «отца гимнастики» Фридриха Людвиг Яна. Их последователи — преподаватели физкультуры, чиновники спортивных союзов и обществ, врачи, гигиенисты, армейские офицеры, журналисты и писатели XIX и XX веков, исследовавшие такие темы, как «банная культура Средневековья», «осанка в эпоху Возрождения», или историю своих местных спортивных союзов.

Всех этих исследователей роднит то, что они не были профессиональными историками, а занялись этим делом случайно и в данном смысле были «любителями». Вот почему им не хватало умения работы с источниками, они часто не были в состоянии вписать полученные результаты в контекст эпохи и склонялись к вольному философствованию о мнимых антропологических константах человеческих движений. Далеки от них были и методологические соображения. Вместо этого историко-спортивные исследования использовались на все лады для легитимации политических позиций. Это особенно заметно в публикациях 1920–1930-х годов, когда разгорались ожесточенные битвы между сторонниками «буржуазного» и «рабочего» спорта, и во многих работах, написанных в духе холодной войны в 1950–1970-е годы. Зачастую они позволяют судить скорее о политических и моральных пристрастиях авторов, чем об исследуемом предмете.

Некоторые из этих недостатков присущи также публикациям академической фракции этого исследовательского направления, которая — главным образом в немецкоязычном пространстве — с 1920-х годов, а затем снова с 1960-х годов сформировалась в институтах физической культуры при университетах. Ведь за исключением некоторых экспертов по античному спорту, бывших профессиональными специалистами по древней истории, эти исследователи спорта традиционно имели естественнонаучное образование и усваивали постановки проблем и методы гуманитарных наук лишь «между прочим». От них, как и от историков-любителей, трудно было ожидать фундаментальных интерпретаций по проблемам возникновения и развития спорта. Но, собирая и документируя источники и литературу о событиях, личностях и институциях, они принесли истории спорта большую пользу. В заслугу им можно поставить и то, что они рано стали заглядывать за национальные границы. Это подтверждают, во-первых, репрезентативные сборные работы, например, Г.А. Э. Богенга «Спорт всех народов и эпох» (2 тома, 1926) и Хорста Юберхорста «История физической культуры» (6 томов, 1972–1989). Во-вторых, следует упомянуть создание международных историко-спортивных объединений, которые никогда не занимались — следуя *широкому словоупотреблению* — только историей спортивных состязаний, но всегда включали в свои исследования Physical Education — «физическое воспитание». Характерно, что аббревиатура ISHPES расшифровывается в этом ряду как International Society for the History of Physical Education and Sport.

История спорта как история спортивных состязаний

Второе направление спортивной историографии, предпочитающей узкое словоупотребление, то есть в первую очередь изучающей современные спортивные соревнования, представлено университетскими историками и социологами, которые специализировались на этой теме и исследуют спорт в соответствии с признанными стандартами своей дисциплины. К этому направлению принадлежат и некоторые политологи, экономисты и этнологи, а в отдельных случаях также географы, архитекторы и специалисты по СМИ. Исследователей в области спортивной науки я включаю в этот список только в том случае, если речь идет (как это принято во Франции, Великобритании, США и Австралии) о профессиональных социологах.

Это второе направление истории спорта, которое — такое создалось у меня впечатление — еще малоизвестно в немецкой спортивной науке, а потому заслуживает более подробного описания, относительно молод. Оно возникло в 1970-х годах — вначале в Великобритании, Австралии и США. Затем, во второй половине 1980-х годов, оно нашло последователей на европейском континенте, а сегодня готово охватить Южную Америку, Африку и Азию. Однако исследования, посвященные этим

регионам мира, из-за недостатка местных экспертов в настоящее время ведутся главным образом европейцами и американцами.

Международный обмен обеспечивается активной системой конференций и журналов, таких как *Sporting Traditions* или *The British Journal of Sports History*, который в 1987 году превратился в *The International Journal of the History of Sport*. Кроме того, существуют еще несколько исследовательских центров по истории спорта, из которых я назвала бы только *International Centre for Sports History and Culture* при университете Демонфор в Лестере, где трудятся ученые со всей Европы.

В противоположность первому направлению международное сотрудничество этих молодых исследователей спорта отличается ярко выраженной проблемной ориентацией и, что взаимосвязано, определенной страстью к междисциплинарному экспериментированию, позволяющему связывать частные темы, рассматривая их с различных точек зрения. Особенно развита эта тенденция в истории футбола, где она уже давно подробно исследовалась (в частности, благодаря неугасающему интересу к феномену бесчинств болельщиков) не только историками, но и социологами и социальными работниками, этнологами, архитекторами и медицинскими специалистами⁶.

Вот и в данном направлении спортивной историографии, сконцентрированном на спортивных соревнованиях, хлопочут множество «любителей» без образования, этих часто осмеиваемых собирателей так называемых *sportifacts*; они с великим тщанием составляют списки обладателей кубков, таблицы результатов игр, сообщения о ходе сезона и карьере спортсменов, об успехах команд и клубов. Поскольку эти собрания результатов, помещенные в соответствующий контекст, обладают большой ценностью как источники, «профессионалы» весьма заинтересованы в сотрудничестве с «любителями». В отличие от более старого направления спортивной истории, в котором «профи» и «любители» поддерживают относительно равноправное сосуществование, в сотрудничестве у более молодых явно доминируют «профессионалы». Они стараются руководить «любителями» в их исследованиях, обучая их и предоставляя возможности публикаций в специализированных журналах типа *Sporting Heritage*.

Нередко встречается также междисциплинарная кооперация этого социологического направления спортивной истории с университетской спортивной наукой, но она не столь интенсивна, как хотелось бы. Причина этого в том, что у обеих фракций различное понимание спорта, как я уже намекнула выше, и потому они ставят во главу угла разные тематические задачи. Другая причина связана с конфликтом поколений и – порожденным этим – различием во мнениях об общественной

⁶ См.: Lanfranchi (1992). Обзор новых исследований дается в обоих томах Faure & C. Suaud (1998) и Héral & Mignon (1999). Специально проблеме хулиганства посвящены обзорные работы Williams (1991, 160–184) и Eisenberg (2000, 297–306).

роли спорта. Так, многие авторитетные историки спорта из спортивной науки родились до Второй мировой войны, тогда как социологическое направление за редким исключением представлено годами рождения после 1950 года. Если более старшие выросли в то время, когда педагоги и политики все еще хотели видеть в спорте проявление таких добродетелей, как дисциплина, упорство и самоотверженность, то более молодое поколение исследователей, в котором, надо сказать, впервые заметно представлены и женщины, разрабатывают другое понимание спорта. Распространение образования и рост свободного времени после 1960-х годов, солидные государственные вливания на фоне холодной войны, но прежде всего прорыв телевидения и сопутствующих этому тенденций к коммерциализации не только придали современному спорту массовый характер, но и заставили поблекнуть старые добродетели и породили ментальность гедонистических потребителей спорта. Эта ментальность вполне привычна для молодых исследователей, а потому для них с самого начала было вполне естественным расследовать ее возникновение и изучать ее общественную и культурную эффективность. Другой общий признак молодых следует видеть в том, что они считают себя наблюдателями спортивного развития и своей наукой не преследуют никаких целей ни в области народной педагогики, ни в области политики (во всяком случае такое впечатление производят их работы). В этом они отличаются, заметим, также и от последующего поколения спортивных педагогов «старого закала», которые — подобно «критической спортивной науке» в Германии — стремятся использовать спорт и его историю как наглядное учебное поле борьбы за демократию, свободу от насилия и этические ценности и нередко оказываются, — абсолютно не ощущая как нюансы, так и амбивалентность и иронию спорта, — «охранителями» political correctness («политкорректности»).

История спорта, история общества и социальные науки

Молодое направление спортивной истории сформировалось, как было сказано выше, с конце 1970-х — начала 1980-х годов. Если историческая наука и историческая социология до этого периода игнорировали спорт, то это объясняется, конечно, не только специфическим для молодого поколения интересом к спорту, проявлявшимся молодыми учеными. Вот почему я бы хотела в дополнение к этому выделить также определенные изменения в самих дисциплинах историографии и общественных наук.

Решающим изменением, которое нельзя не упомянуть, был — начиная с 1960-х годов — расцвет социальной истории и исторической социологии. Новый тренд сопутствовал интенсивной рецепции модернизационных теорий, то есть теорий о взаимосвязи образования национальных государств, развития парламентаризма, демократизации,

рыночной интеграции, индустриализации и т.д.⁷ Этот интерес привлек внимание исследователей к *социальной форме* современного спорта, то есть к привязанности спортивного состязания к особым правилам и организации. Дело в том, что данную социальную форму можно описать в категориях Макса Вебера и Толкотта Парсонса, обоих великих теоретиков модернизации. Она подразумевает четкую ролевую сегрегацию участников, зрителей и обслуживающего персонала, тенденцию к регулируемости и организованности события соревнования, светский характер и, наконец, количественный подход и документирование рекордов (records), то есть все те признаки, которые Ален Гутман в своей часто цитируемой книге *From Ritual to Record* («От ритуала до рекорда», 1978) назвал конститутивными для современного спорта.

Если историки и социологи до сих пор никогда не ощущали себя достаточно компетентными в изучении физической активности человека, проводимом старой школой спортивной истории, то модернизационно-теоретический подход поставил вопрос: как сочетается создание специфически современных социальных форм спорта с образованием современных западных обществ? Какие политические, экономические и социальные рамочные условия способствовали становлению организованного, подчиняющегося правилам соревнования? Это был ключевой вопрос исследований. Кто были акторами? Какие мотивы связывали их со спортом? Какие общественные эффекты породили спортивную страсть?

Тем самым тема сразу стала привлекательной, и это проявилось, в частности, в том, что единственный живой на то время «классик» исследования модернизации, специалист по теории цивилизации Норберт Элиас, как бы мимоходом обратился к истории английского спорта. Одна из гипотез, которой он хотел заняться, связывала силовую физическую борьбу в спорте с формированием английского парламентаризма как «мирной» системы разрешения конфликтов⁸.

Но сколь бы увлекательными ни были эти попытки контекстуализации развития спорта, толку от этого было мало: как только молодые ученые интенсивно углубились в источники, их теоретические амбиции снова улетучились. Это можно было наблюдать на примере не только британских историков спорта, но и многих их коллег на европейском континенте. Все они испытали на опыте, что теории модернизации и другие «большие» теории общества, как правило, представляли собой малопригодные интерпретационные рамки спортивной истории.

Причиной тому было сосредоточение теорий модернизации на индустриальном обществе. А ведь все больше исследований доказывали, что современные спортивные соревнования, по крайней мере в их «главной стране» Англии, возникли уже в доиндустриальный период. Посто-

⁷ См.: Wehler (1975) и обзор Mergel (1997, 203–232).

⁸ См.: Elias & Dunning (1986, 63–90), Elias (1971, 88–115).

янные импульсы к развитию они получали там в XVIII веке благодаря раннему формированию рыночного общества и коммерциализации повседневной жизни — вот почему профессиональный спорт в Англии имеет более старые традиции, чем любительский⁹. С другой стороны, выяснилось, что спорт именно благодаря рациональности своей «модерной» («современной») формы послужил средством распространения домодерных взглядов в модерне. В стране, где возник современный спорт, популярность приобрели такие, к примеру, представления, как *chivalry* («рыцарство», «благородство») и *fairness* («честность»), вышедшие из аристократической культуры Средневековья, а «рыцарственные» джентльмены с помощью спорта сделали ряд других элементов дворянского канона ценностей популярными в буржуазном обществе¹⁰. Подобные парадоксы не предусматривались теориями модернизации, и даже Норберт Элиас, понаторевший в работе с источниками, не знал, что с этим делать. Он отказался от исследований спорта, посвятив себя другим темам, а его ученик Эрик Даннинг, который продолжил развитие подхода Элиаса, в своих работах вплоть до сегодняшнего дня игнорирует наметившиеся выводы¹¹.

Другие коммуникационные проблемы социологической истории спорта, связанные с модернизационно-теоретическими интерпретациями, проистекали из представления, закрепившегося в ходе интернационализации исследования, что современный спорт всюду за пределами Великобритании был плодом культурного импорта и что он распространялся международными элитами, идентичности и лояльности которых были укоренены не в национальных государствах, а между ними и которые поэтому способствовали распространению единого глобального образа современного спорта¹². Вот и по поводу этого явления теоретики модернизации мало что могли сказать, поскольку они в своих исследованиях были сосредоточены на современных национальных государствах. А потому и рекомендованные ими методы международной компаративистики были хотя и полезны, но недостаточны, и те историки спорта, которые, например, исследовали становление спортивной культуры в Британской империи или ее распространение в Европе как побочные явления туризма, деловых взаимосвязей и обмена технологиями¹³, становились *volens volens* — пионерами исследования культурного трансфера в глобальных масштабах. Это новое исследовательское направление изучает культурный обмен, выходящий

⁹ См.: новейший обзор Eisenberg (1999, гл. I, 1).

¹⁰ См., например, Girouard (1981, в особенности p. 232 ff).

¹¹ Об этом свидетельствует, в частности, список использованной литературы в последней книге Эрика Даннинга (1999) *Sport matters. Sociological studies of sport, violence and civilization*.

¹² См. в качестве обзора Eisenberg (2001, 375–403).

¹³ См.: Mangan (1988), Lanfranchi (1991, 163–172), Guttman (1994), Eisenberg (1997a; 2001, 375–403).

за пространственные и деловые рамки, а также взаимопроникновение культур. В центре интереса находятся при этом не само распространение и не фильтры, стоящие на пути взаимопроникновения, а рассматриваемая как креативный акт рецепция, когда реципиенты принимают некие фрагменты «чужого» импорта, перерабатывают их и объединяют с «собственной» культурой, чтобы в целом прийти к чему-то новому, изменяющему традиции¹⁴.

Вниманием к культурному трансферу при формировании современного спорта релятивировалось также использование таких исследовательских методов, которые — как, например, «устная история», то есть опрос свидетеля эпохи (*oral history*), или техника «насыщенного описания» (Клиффорд Гирц) — все в большей мере утверждаются в социальной истории с целью более точной реконструкции развития в малых сообществах. Подобные методы применялись в 1980-е годы спортивными историками, особенно в рамках диссертаций, в частности, при изучении социального базиса и символического содержания определенных дисциплин; и в отдельных случаях, к примеру, при исследовании системы организации соревнований в тоталитарных режимах, они получали просто поразительные результаты. Однако этот вид исследования мало способствовал объяснению социальных и спортивных перемен. Для этого необходимо было рассматривать совершенно иные аспекты: например, международные сети политиков и спортивных чиновников, особенно во время обеих мировых войн, воздействие изменения правил мировыми спортивными союзами и закрепление моделей восприятия современными СМИ.

Все это привело к тому, что интерес социологически ориентированных историков спорта к исторической науке и исторической социологии, несмотря на принципиальную связь между ними, снова и надолго остыл, причем даже наметились определенные тенденции к отчуждению. То, что это открыто проявлялось не часто и во всяком случае не приводило к антитеоретической атаке, предпринятой в 1990-е годы представителями *cultural turn*, «культурного поворота»¹⁵, было связано — помимо важности эмпирического исследования — также и с тем, что спортивные историки могли удовлетворять свои теоретические амбиции в других местах. Ведь параллельно отвержению «больших» теорий модернизации происходило интенсивное освоение «малых» теорий, связанных с конкретными проблемами, которое развивалось в кооперации с коллегами из области социологии и экономики¹⁶. Спортивные

¹⁴ См. в качестве введения Burke (2000, 9–40) и Tenbruck (1992, 13–36).

¹⁵ В Германии этим воспользовался прежде всего Daniel (1993, 69–99). Лучшее введение в полемику см. у Conrad & Kessel (1998, особенно вступление издателя).

¹⁶ См.: Loy & Kenyon (1969), Neale (1964, 1–14); недавнюю работу Gratton (1998, 101–117). См. также оба тома сборника на немецком языке Hammerich, Heinemann (1975), Heinemann (1984).

историки (в частности, британец Рэй Вэмплю) также писали важные работы для этой дискуссии¹⁷.

Это исследовательское направление получило столь большую популярность не в последнюю очередь потому, что социальные отношения в спорте в некоторых аспектах изображаются по-другому, чем в «настоящей жизни». Часто приводимым примером является природа спортивной конкуренции. Если идеальной рыночной позицией предприятия является монополия, то подобная ситуация в спорте бессмысленна в экономическом плане, потому что отсутствовал бы соперник. Другим примером являются экономические отношения клубов и организаторов спортивных мероприятий, когда стремление к прибыли часто отступает на задний план перед стремлением к победе. Границы спортивного неравенства, отношения полов и этнических групп — все это существует в спорте, но порой имеет свою специфику, отличную от тех же явлений в обществе, где они часто проявляются значительно жестче.

Для историка спорта такие наблюдения были привлекательными еще и потому, что они повышали ценность своего объекта. Ведь они показывали, что современный спорт никоим образом не является, как это часто утверждают, только отражением общества. Он всегда был, напротив, относительно автономной общественной подсистемой, которая на основе «встроенных» игровых характеристик функционировала по собственным правилам и в ряде ситуаций демонстрировала относительно автономную, иногда непредсказуемую динамику развития. Там, где эта подсистема вступала в отношения обмена со своим социальным и экономическим окружением, она не только вбирала в себя это окружение, но и в свою очередь влияла и на долгое время накладывала на него свой отпечаток. Спорт равным образом способствовал стиранию унаследованных традиций, таких как домодерные системы ценностей или социальное неравенство, и продлению жизни анахронизмам. Он был активным и вместе с тем селективным фактором социальных изменений¹⁸.

Перспективы спортивной истории

Анализ этой способности спорта на конкретных примерах оформился как центральная задача спортивной истории в рамках общей исторической науки, и таким она останется в будущем. Но спортивно-историческое исследование не может и не должно ограничиваться этим. Ждут своих исследователей целый ряд других тем, из которых я назову особо важные.

¹⁷ См. прежде всего его книгу *Pay up and play the game. Professional Sport in Britain 1875–1914* (1988).

¹⁸ Благодаря выделению этого динамического компонента историческое социологическое исследование спорта отличается также и от системно-теоретической социологии; см.: Bette, 1999.

Во-первых, как мне кажется, следует целенаправленно ликвидировать исследовательские пробелы. Поскольку эмпирическое исследование 1980-х и 1990-х годов (если брать международный аспект) явно сосредоточилось на периоде от XVIII века до Первой мировой войны, это означает прежде всего необходимость временного расширения в текущий XX век. Настоятельной потребностью здесь является создание подробной базы данных по социальному базису и по влиятельным акторам, по организационному развитию, финансированию и т. п., подобно тому, что уже имеется для «долгого» XIX столетия. Предпосылкой для успеха является продвижение вперед общего социально-исторического исследования XX века; «культурологический поворот» в исторической науке произошел, к сожалению, в ущерб социально-историческому исследованию основ¹⁹.

Но ученые должны расширять и перспективы своих исследований. Ибо развитие спорта в XX столетии — это не просто продолжение описания XVIII и XIX веков. У него совершенно иное качество, и для его изучения необходимы совершенно новые методы. Это связано не в последнюю очередь с побочными явлениями институционализации современного спорта, особенно с существованием наднациональных организаций, таких как МОК и всемирные спортивные союзы, которые определяют правила и конвенции и непосредственно влияют на местах на многие решения и проекты. Подобные наднациональные организации, которые — как в случае с ФИФА — представляют сегодня иногда больше стран, чем ООН, возникли во многих классических дисциплинах уже до Первой мировой войны, и это существенно способствовало тому, что спорт сегодня является единственной областью современной массовой культуры, которая располагает глобальной системой институций, ибо в музыке, моде или шоу-бизнесе акторы общаются только через посредство неформальных контактов. Наличие подобной системы институций предоставляет большие возможности для истории спорта. Во-первых, мировые спортивные союзы располагают архивами, которые позволяют обрисовать распространение конкретных дисциплин во всем мире²⁰, а это представляет интерес и для общей исторической науки, поскольку исследование глобализации она в основном передала в руки экономистов. Во-вторых, национальные и международные спортивные истории исходя из этой глобальной базы наблюдения могут рассматриваться как бы извне, что не только обогатит наше теперешнее знание о распространении и о качестве спорта, но и наверняка внесет в него свои коррективы.

В этом глобальном контексте надо будет поставить, безусловно, центральную проблему спортивной истории XX века: переплетение инте-

¹⁹ В описанном Эркром (Erker, 1993) недоразвитом уровне исследования, к сожалению, мало что изменилось.

²⁰ Помимо МОК свои архивы открыла теперь и ФИФА, поручив международной группе историков к 100-летию юбилею (2004) составить историю мирового футбола.

ресов спортивных объединений и тоталитарных режимов в [Западной] Европе в период между мировыми войнами, а в Восточной Европе, в Южной Америке и Китае — и после Второй мировой войны. Как показывают новые исследования, коллаборационизм национальных союзов, сотрудничавших с диктатурами и авторитарными режимами, во многих случаях не только привел к инструментализации спорта в интересах того или иного режима, в чем их постоянно обвиняют, но равным образом сделал возможным и инструментализацию политики спортом, который во многих случаях получал выгоду от сотрудничества с режимом²¹. Причину этого видели, во-первых, в том, что спорт имеет тенденцию игнорировать внешнеполитическую монополию политической системы и освобождает общественных акторов, которые организуют свои собственные взаимодействия с международным окружением, причем как с политическими системами, так и с другими общественными акторами. Во-вторых, международные правила, наличие спортивного судейства и порожденной спортивными соревнованиями общественности, которая в предельных случаях становится мировой общественностью, обеспечивают определенную защиту от вмешательств режима. Этой ролью стороны, получающей выгоду, объясняется, например, характерный факт из истории футбола: именно те страны, которые в период между мировыми войнами оставались демократическими и рассматривали спорт как частное дело (сюда относились помимо Великобритании также, в частности, Франция, Швейцария, США и Австралия), в это время «опустились» в категории второго и третьего сорта. А «поднялись», наоборот, те страны, где национальные футбольные союзы с помощью диктатур получали субсидии для организации регулярных тренировок национальных сборных, где с помощью общественных средств были выстроены большие стадионы, а зрителей мобилизовали организации, близкие к правящей партии²².

Хочется надеяться, что в качестве побочного продукта таких исследований удастся создать аналогично возникшим в последние годы спортивной экономике и спортивной социологии особое ответвление политической науки. Ибо постоянно можно наблюдать, что отношения власти и господства в сфере спорта, выделенной благодаря согласованным правилам и конвенциям из общественного окружающего мира, часто оформляются по-иному, чем в других областях общественной жизни.

Еще одним желательным исследовательским моментом для социологической спортивной историографии является расширение ее тематического поля. Я считаю чрезвычайно важным, чтобы в будущем силь-

²¹ Многочисленные доказательства этого можно найти в следующих обзорных статьях Ktüger (1999, 67–89) и Riordan (1999, 48–66). См., кроме того, статьи Archetti (1997, 149–170) и Riordan (1997, 130–148) о немецком спорте при национал-социалистическом режиме.

²² См.: Eisenberg (1997a, 15 ff).

нее учитывалась общая физическая культура и тем самым по-новому освещалась предметная область, которая традиционно рассматривалась только в естественно-научных разделах спортивной науки, то есть спортивной медицины, биомеханике и методике спортивной тренировки. Я имею в виду при этом такие темы, как «телесность», «двигательное поведение», «сексуальность современного человека», «формирование и изменение полового характера». Разумеется, в таких исследованиях нужно избегать наивных высказываний об антропологических константах человечества. Следовало бы, напротив, показывать, каким образом и посредством каких эффектов регулируемые, сплошь заорганизованные современные спортивные соревнования воздействуют на другие области общественной жизни и какие последствия вытекают отсюда для них самих. Это означает, что необходимо целенаправленно исследовать взаимоотношения между потреблением допингов и потреблением лекарств современным человеком²³, между телами атлетов и трудовым рынком в современном обществе услуг, между определенными семейными формами общения на спортплощадке и в других областях современной коммуникации, общения и политики и т. п.

Серьезным вызовом для будущей спортивной истории является то, что такое расширение возможно лишь в том случае, если будут систематически исследоваться эффекты прогрессирующей коммерциализации спорта, а также импульсы, исходящие от СМИ. Ведь для общественных отношений в спорте XX столетия характерно то, что они не только передаются этими агентами, но и в высшей степени уже «анимируются», стимулируются. Я здесь имею в виду не только известные позы победителей, когда «случайно» становится видимой марка лыж или инсценированные специально для телекамер волны болельщиков, поющих на футбольных стадионах «оле-оле-оле», но, например, и комплексные образы типа так называемых «личностей спортсменов» или «гуманитарных традиций» олимпийского движения.

И наконец, спортивная история должна разобраться с тем, что подобные имиджи в спорте вовсе не являются чистой идеологией. Ибо они склонны к эмансипации от имеющейся эмпирической реальности, чтобы вести собственную жизнь в форме мифа. Этот аспект, обладающий большой привлекательностью, можно компетентно изучать лишь с привлечением к сотрудничеству экспертов из других частных областей современной массовой культуры, в которых запускаются аналогичные процессы и которые также подходят для проекций. Речь идет прежде всего о науке о коммуникации и средствах массовой коммуникации, но также об исследованиях досуга и туризма и более далеких областей — кинематографии, фотографии, рекламы. Поскольку эти научные дисциплины частично и сами находятся в состоянии развития и в свою очередь

²³ Основополагающей работой здесь является Ноберман (1992). Дальнейшее рассмотрение проблемы см. у Gugutzer (2001, 219–238).

не могут обходиться без сотрудничества, например, с исторической наукой, спортивная история подвергается при этом опасности утраты своего профиля и своей самостоятельности. Если бы она таким образом сделалась прочной составной частью методологически отрефлектированной историографии XX столетия, то это пошло бы ей только на пользу.

Перевод с немецкого Алексея Григорьева

Литература

- Aflalo, F. G. 1899: The Sportsman's Library. A Note on the Books of 1899. *Fortnightly Review*, 72, 968–976.
- Archetti, E. P. 1997: Argentinien. In C. Eisenberg (Hrsg.). *Fußball, soccer, calcio. Ein englischer Sport auf seinem Weg um die Welt*. München: dtv, 149–170.
- Baudelaire, C. 1906: *Der Maler des modernen Lebens (1863)*. In: Baudelaire, C. *Zur Ästhetik der Malerei und der bildenden Kunst, Werke Bd. 4*. München: Bruns, 265–326.
- Bette, K.-H. 1999: *Systemtheorie und Sport*. Frankfurt/Main: Suhrkamp.
- Bogeng, G. A. E. (Hrsg.) 1926: *Geschichte des Sports aller Völker und Zeiten*. Leipzig: Seemann.
- Burke, P. 2000: *Kultureller Austausch*. In: Burke, P. *Kultureller Austausch*. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 9–40.
- Conrad, C. & Kessel, M. (Hrsg.) 1994: *Geschichte schreiben in der Postmoderne. Beiträge zur aktuellen Diskussion*. Stuttgart: Reclam.
- Conrad, C. & Kessel, M. (Hrsg.) 1998: *Kultur & Geschichte. Neue Einblicke in eine alte Beziehung*. Stuttgart: Reclam.
- Daniel, U. 1993: *Kultur und Gesellschaft. Überlegungen zum Gegenstandsbereich der Sozialgeschichte*. *Geschichte und Gesellschaft*, 19, 69–99.
- Dobbs, B. 1973: *Edwardians at Play. Sport 1890–1914*. London: Pelham Books.
- Dunning, E. 1999: *Sport matters. Sociological studies of sport, violence and civilization*. London: Routledge.
- Eisenberg, C. 1997a: *Einführung*. In: Eisenberg, C. (Hrsg.). *Fußball, soccer, calcio. Ein englischer Sport auf seinem Weg um die Welt*. München: dtv, 7–21.
- Eisenberg, C. (Hrsg.) 1997b: *Fußball, soccer, calcio. Ein englischer Sport auf seinem Weg um die Welt*. München: dtv, 7–21.
- Eisenberg, C. 1999: *English sports» und deutsche Bürger. Eine Gesellschaftsgeschichte 1800–1939*. Paderborn: Schöningh.
- Eisenberg, C. 2000: *Rival Interpretations of Football Hooliganism: Figurational Sociology, Social History and Anthropology*. In: Schlaeger, J. (ed.). *Representations of Emotional Excess*. Tübingen: Narr, 297–306.
- Eisenberg, C. 2001: *The Rise of Internationalism in Sport*. In: Geyer, M. H. & J. Paulmann, J. (eds.), *The Mechanics of Internationalism. Culture, Society and Politics from the 1840s to the First World War*. Oxford: Oxford University Press, 375–403.
- Elias, N. 1971: *The Genesis of Sport as a Sociological Problem*. In: Dunning, E. (ed.), *The Sociology of Sport*. London: Cass, 88–115.
- Elias, N. & Dunning, E. 1986: *The quest for excitement in leisure*. In: Elias, N. & E. Dunning, E., *Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process*. Oxford: Basil Blackwell, 63–90.

- Erker, P. 1993: Zeitgeschichte als Sozialgeschichte. Forschungsstand und Forschungsdefizite. *Geschichte und Gesellschaft*, 19, 202–238.
- Faure, J.-M. & Suaud, C. (eds.) 1998: *Football et Sociétés. Sociétés et Représentations*, Nr. 7. Paris: Publications de la Sorbonne.
- Girouard, M. 1981: *The Return to Camelot. Chivalry and the English Gentlemen*. New Haven: Yale University Press.
- Gratton, C. 1998: The Economic Importance of Modern Sport. *Culture, Sport, Society*, I (1), 101–117.
- Gugutzer, R. 2001: Die Fiktion des Natürlichen. Sportdoping in der reflexiven Moderne. *Soziale Welt*, 52 (2), 219–238.
- Guttman, A. 1978: *From Ritual to Record. The Nature of Modern Sports*. New York: Columbia University Press.
- Guttman, A. 1994: *Games and Empires. Modern Sports and Cultural Imperialism*. New York: Columbia University Press.
- Hammerich, K. & Heinemann, K. (Hrsg.) 1975: *Texte zur Soziologie des Sports*. Sammlung fremdsprachiger Beiträge. Schorndorf: Hofmann.
- Heinemann, K. (Hrsg.) 1984: *Texte zur Ökonomie des Sports*. Schorndorf: Hofmann.
- Heinemann, K. & Schubert, M. (Hrsg.) 1994: *Der Sportverein. Ergebnisse einer repräsentativen Untersuchung*. Schorndorf: Hofmann.
- Héjal, H. & Mignon, P. (eds.) 1999: *Football—jeu et société. Les Cahiers de l'INSEP*, Nr. 25. Paris: INSEP-Publications.
- Hoberman, J. *Mortal Engines. The Science of Performance and the Dehumanization of Sport*. New York: Free Press.
- Krüger, A. 1999: Strength through joy. The culture of consent under Fascism, Nazism and Francism. In: Riordan, J. & Krüger, A. (eds.), *The International Politics of Sport in the Twentieth Century*. London: E&FN Spon, 67–89.
- Lanfranchi, P. 1991: Fußball in Europa 1920–1938. Die Entwicklung eines Internationalen Netzwerkes. In: Horak, R. & Reiter, W. (Hrsg.), *Die Kanten des runden Leders. Beiträge zur europäischen Fußballkultur*. Wien: Promedia, 163–172.
- Lanfranchi, P. (ed.) 1992: *Il calcio et il suo pubblico*. Neapel: Ed-Scientifiche Italiana.
- Loy, J.W. & Kenyon, G.S. (eds.) 1969: *Sport, culture, and society. A reader on the sociology of sport*. London: MacMillan.
- Mandell, R. D. 1984: *Sport: A Cultural History*. New York: Columbia University Press.
- Mangan, J.A. (ed.) 1988: *Pleasure, Profit, Proselytism. British Culture and Sport at Home and Abroad 1700–1914*. London: Cass.
- Mergel, T. 1997: Geht es weiter voran? Die Modernisierungstheorie auf dem Weg zu einer Theorie der Moderne. In: Mergel, T. & Welskopp, T. (Hrsg.), *Geschichte zwischen Kultur und Gesellschaft. Beiträge zur Theoriedebatte*. München: Beck, 203–232.
- Midwinter, E. 1986: *Fair Game: Myth and Reality in Sport*. London: Allen & Unwin.
- Neale, W.C. 1964: The peculiar economics of professional sport. *Quarterly Journal of Economics*, 78, 1–14.
- The Oxford English Dictionary, Bd, 9, 10. Oxford, ND 1961.
- Riordan, J. 1997: Rußland und Sowjetunion. In: Eisenberg, C. (Hrsg.), *Fußball, soccer, calcio. Ein englischer Sport auf seinem Weg um die Welt*. München: dtv, 130–148.
- Riordan, J. 1999: The impact of communism on sport. In: Riordan, J. & Krüger, A. (eds.), *The International Politics of Sport in the Twentieth Century*. München: dtv, 130–148.

- Tenbruck, F.H. 1992: Was war der Kulturvergleich, ehe es den Kulturvergleich gab?
In: Matthes, J. (Hrsg.), Zwischen den Kulturen? Die Sozialwissenschaften vor dem
Problem des Kulturvergleichs. Göttingen: Schwatz, 13–36.
- Ueberhorst, H (Hrsg.) 1972–1978: Geschichte der Leibesübungen. Band 1–6. Berlin:
Bartels & Wernitz.
- Vamplew, W. 1988: Pay up and play the game. Professional Sport in Britain 1875–1914.
Cambridge: Cambridge University Press.
- Wehler, H.-U. 1975: Modernisierungstheorie und Geschichte. Göttingen: Vanden-
hoeck & Ruprecht.
- Williams, J. 1991: Having an away day: English football spectators and the hooligan
debate. In: Williams, J. & Wagg, S. (eds.), British football and social change. Get-
ting into Europe. Leicester: Leicester University Press, 160–184.